

(1958 – 1996)

Олег Чертов – омский поэт и философ.

Родился 20 октября 1958 года в г. Омске в семье инженера и учительницы. Окончил школу №19 и исторический факультет Ленинградского университета. Работал преподавателем на кафедре философии Омского технологического института. В 1985 г. поступил в очную аспирантуру философского факультета Ленинградского университета, в 1988 г. защитил кандидатскую диссертацию, посвящённую политическим учениям английского Возрождения.

По окончании аспирантуры Олег Владиленович в качестве политолога сотрудничал с различными командами столичных аналитиков, действовавших в «горячих точках» страны. С 1989 г. возглавлял кафедру экономики и управления ИПК Нефтехим, развернув активную преподавательскую и консультационную деятельность по реорганизации Омских производственных объединений нефтехимии.

В 1991 г. О. Чертов по приглашению руководства Клемсонского университета (Южная Каролина, США) уезжает преподавать в Америку. В Соединенных Штатах Олег Владиленович читает лекции по перспективам политического и экономического развития России в целом ряде университетов, включая знаменитый Гарвард. В 1992 г. Олег Чертов работает в известной британской школе бизнеса Холлборн-Колледж. В Лондоне он становится членом Международного Русского Клуба. Цель Клуба – патриотическая помощь России в сохранении положения великой державы и восстановлении российской экономики.

Член Смитсоновского института (Вашингтон, США). Опубликовал значительное количество научных публикаций в стране и за рубежом. Популярный аналитик и экономический обозреватель средств массовой информации.

29 февраля 1996 года погиб от руки наёмного убийцы.

Эссе Олега Чертова «Георга» написано в 1982 году. Оно раскрывает многие стороны апокалиптического мироощущения незаурядного мыслителя, деятеля и творца нашего времени.

ГЕОРГА

(размышления о романе Отара Чиладзе «И всякий, кто встретится со мной...»)

Светлой памяти бабушки, Анны Макаровой, посвящаю...

В сумерках зримое становится контрастнее, явственней. Тяжёлые, безнадежные восьмидесятые годы ещё определённое размежевали сферы творчества человека на преходящее и непреходящее, разъяли привычную их смесь на изначальные компоненты. Пустое стало ещё более пустым, истинное высветилось истиной.

Сознанию современного человека, отрешившегося от страдания, а вместе с тем от единственного напоминания о «предназначении», не свойственно включение самого себя в цепь развития мирового зла, иначе говоря, несвойственно христианское признание своей вины во всеобъемлющем грехе мира.

Это подтверждают наблюдения над литературой, искусством, проявлениями общественного и индивидуального сознания. Очевидный для прошлого поколения вывод из душевного томления, вывод, оформляющий тоску о собственном несовершенстве, до странности не свойственен современному сознанию, и хотя мука человека та же, она остается неоформленной.

Грузия – страна святого Георгия. Вот он, Георга, виноградарь, с лопатой вместо копья, с добрым, кротким ослом вместо коня. Только чудовище настоящее. И нужно умереть, чтобы победить. Почему? Останавливается человек на высоком пороге тайны: «Дай убить себя». Юродство, но отблеск высшей истины бьётся в этих словах, как птица, как сердце.

По избранию несчастный сирота в одну ночь, отмеченную кровью и плачем борчалинца, осознал грех мира и принял его на себя. Эта страшная ночь со временем становилась ещё

страшнее от осознания, но потом, в какой-то миг, раскаяние исчезло, уступило место более глубокому, более совершенному сознанию своей вины.

Георга обрёл себя на страдание и смерть, не моля ни о чём ином, будто суровый целитель снял пелену с глаз Георги – он становится неуязвим и непобедим! Господь склоняется к нему, как сам он, после смерти, склоняется к прозревшей матери. «Или убей или дай убить себя!» – рычит чудовище Георге, и он долго думает над этой загадкой Сфинкса.

Он ведёт бой с самим драконом. А что, если чудовище не только вовне, но и уже внутри тебя самого, некогда, пусть во младенчестве, принявшего грех? Убийца – не убийца, и мститель – не мститель, скорбный дух, тень, посланец Бога, освободитель и будущий любящий собеседник, и воин того же войска?

Надежда перед смертью пронзает душу Георги, шёпот Господа, ласковый шёпот победителю Дракона. Из этой победы не выстроить учения, философии. Смерть Георги сродни пронизывающему дыханию надежды.

Не бродят больше по дорогам Земли пророки, мудрецы, апостолы, крестители. Опустели дороги. Некому поддержать воинов Христовых на земле. Да и сам Великий Учитель – спускается ли Он на грешную Землю? Слишком много на ней крови и зла.

Но в каждом из воинов Града Божьего, как высокая тоска, как больная память о чём-то давно и не с ним бывшем, живёт готовность всё оставить и пойти за земной тенью Господа, повинувшись Его тихому повелению: «Иди за Мной!»

«Он оставил заступ в земле, поправил рубашку и пошёл за аробным караваном». Сумасшедший петух был убит, как будет убит ныне всякий пророк, явившийся будить людей. Пробный шар Господа – сумасшедший петух. Он кричал людям: «Будьте бдительны, будьте бдительны!»

И ещё о том, что время коротко, что скоро конец каждого и времени земного в целом, и что надо спасать душу, пока ещё возможно. Вечный третий крик петуха в ночь, когда схватили Спасителя. Петух был яростней, искренней и лаконичней Савонаролы – убили их обоих...

Один из вопросов – почему перед Георгой ставится дилемма: или убей, или дай убить себя?

Речь идёт о двух состояниях воли человека: «невозможности не грешить» и «возможности не грешить». Легко эти состояния обозначить, но осознать их взаимоотношения, связи – немисливо.

«Каким только оружием не убивали друг друга люди из ненависти, любви, трусости или невежества! Ведь, в сущности, десять заповедей – это не что иное, как перечисление десяти главных потребностей человека, а человечность – лишь робкая попытка не подавить, нет, но хоть немного приглушить эти десять потребностей, одна другой сильней и неодоливей! Человек всегда убивал своего брата и давал ему убить себя... Проклятие это послано самим Богом, и избавиться от него можно лишь одним способом: на всё закрыть глаза и от всего отказаться. Но и это невозможно, ибо в таком случае человек заменил бы братоубийство самоубийством. Самоубийство же – потребность отнюдь не общечеловеческая и не зря считается делом неблагодарным и преступным, ибо самоубийца не только разрушает веру сорока тысяч братьев в свою с ними одинаковость, но и попросту лишает их возможности самим убить его. Будучи всеильным, нельзя убить Иуду или Каиафу, а нужно взойти на Голгофу, предать себя рабской смерти, чтобы юродством самопожертвования спасти избранных...»

Вся глубина воинского вселенского знания Церкви проявляется в вырвавшихся у отца Зосимы словах: «Человек, друг мой Кайхосро, как мельница: что в него заложишь, то и перемелет. Но он, чёрт возьми, должен знать, что мелет...»

В этих удивительных словах священник приоткрывает тайну и суть человеческой свободы воли. Божье произволение, родовое проклятие или благословение праведных, могучие космические силы вкладывают в кладовую человеческой души то или иное содержание, в этом человек подобен мельнице.

Но человек должен познать себя, узнать, что за зерно он мелет и, если хватит сил и мужества, ужаснуться, очиститься и, с Божьей помощью, освободиться. В этом великая сила его свободной воли, лишить которой его не хочет Творец и не может дьявол (совратить её – вот к чему он стремится).

Так в муке, в страдании освобождаются от родовых семян Зла Дмитрий Карамазов, Нико и Александр Макабели. Так, вслед за великим Августином, Отар Чиладзе раскрывает суть суда

Божьего над человеком. «Плод же правды в мире сеется у тех, которые хранят мир...» (Иакова 3:18).

Можно ли персонифицировать Зло? Не свойственная ли человеческому мышлению антитетичность породила антипод Бога? Существует ли Зло вне своих конкретных носителей? Споры, не прекращающиеся, а оживляющиеся накануне катаклизма, косвенно доказывают личный характер зла.

«Бодрствуйте, ибо противник ваш диавол ходит, аки рыкающий лев, ища кого поглотить...» (1 Пётра 5:8).

Итак, враги... «10 заповедей не что иное, как десять главных потребностей человека», – замечает Отар Чиладзе. Не так ли и семь смертных грехов? Все эти запреты, словно частокол, построены Церковью для обороны мирян. Ибо «*milites Christi*» предпочитают сражаться в чистом поле. А Церковь делает своё тысячелетнее дело, тайное дело спасения. Плохо ли, хорошо ли, бессмысленно или полезно, руками пастырей или наёмников, – спросится с Церкви.

Враги. С одной стороны – оглушённые шёпотом Бога, с другой – отравленные слюной Дракона. Вот суть основного земного проявления Великого Противостояния Сущностей. Пшеница и плевелы, всходы потусторонних посевов...

Прогресс! Это понятие вмещает в себя движение вперёд, ускоренное развитие, перепады, скачки, вихри во Времени, возрастающие в геометрической прогрессии и выходящие из-под контроля события, парадоксы мировых войн, обесценивание всех прежних институтов, социальные катаклизмы, геноциды, спешку, сумятицу, бред.

Во имя чего? Чем оправдывается всё это? Что определяет краткую, но насыщенную эру прогресса? Удобство, комфорт.

Комфорт!.. Прогресс технический, самодовлеющий – ради удобства. Прогресс социальный, с явленным ужасом тоталитарных держав, с отчуждением от человека индивидуальной совести и миллионными жертвоприношениями – ради удобства.

Растление прогресса проникло и в искусство, и в философию, подчинив их времени и удобству... Вокруг мира закрутилась та временная воронка, которую всегда раскручивает Зло, переходя в наступление.